

Возможности судебной комплексной психолого-лингвистической экспертизы в уголовном судопроизводстве

*Челпанов В.Б. – кандидат психологических наук,
научный руководитель ООО «Группа компаний «Симеон», г. Курск,
магистрант первого курса филологического факультета ВГУ.
Научный руководитель – профессор, доктор филологических наук
Стернин Иосиф Абрамович*

Челпанов В.Б. Возможности судебной комплексной психолого-лингвистической экспертизы в уголовном судопроизводстве (статья) // Язык и национальное сознание. Вып. 22 / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, изд-во «Истоки», 2016. – 170 с. – С. 121 – 129 (0,56 п.л.).

Расследование преступлений требует от следователя ориентации в отдельных видах судебных экспертиз, которые могут быть частными или комплексными. Одной из них является судебная комплексная психолого-лингвистическая экспертиза (КПЛЭ), которая проводится по уголовным делам, возбуждённым при совершении преступлений, непосредственно связанных с речевой деятельностью. К этой категории можно отнести следующие преступления: мошенничество, угрозы, шантаж, коррупция, доведение до самоубийства, вымогательство, психическое насилие над личностью, клевета, оскорбление, унижение человеческого достоинства, разглашение семейной тайны (в частности, тайны усыновления), государственной тайны, распространение недостоверных сведений, порочащих деловую репутацию физического или юридического лица, нарушение авторских прав. Эффективность расследования подобных преступлений определяется уровнем компетенции дознавателей, следователей и экспертов соответствующих специальностей – психолога и лингвиста, а также качеством проведения комплексной психолого-лингвистической экспертизы (КПЛЭ).

Назначение данного вида экспертизы следственными органами предусматривает следующие процедуры:

- 1) признания и назначения психолога и лингвиста экспертами,
- 2) ознакомление их с правами и обязанностями в соответствии со ст. 57 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ,
- 3) передачу им для изучения материалов уголовного дела, содержащих письменные документы и изображения: фотографии, схемы, протоколы опросов, допросов, явок с повинной, проверок показаний на месте,

4) предоставление электронных носителей, содержащих аудио- и видео-записи, а также протоколы следственных действий с применением технических средств и вещественных доказательств,

5) установление сроков выполнения экспертизы,

6) подписку экспертов с предупреждением их об уголовной ответственности в соответствии со ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения.

Эксперты в своём заключении обязательно указывают на пригодность или непригодность представленных на исследование материалов.

Основаниями для отказа в проведении КПЛЭ, кроме непригодности материалов, могут также послужить: отказ человека от производства следственных действий с применением видеозаписи или отказ от проведения экспертизы, которые оформляются как заявления в письменном виде; недостаточная продолжительность аудио- или видеозаписей; неразборчивая, невнятная и непонятная по разным причинам речь; отсутствие диалога допрашиваемого лица со следователем; применение ст. 51 Конституции Российской Федерации.

В связи с этим необходимо подчеркнуть значимость ознакомления допрашиваемых и подэкспертных лиц с содержанием статей 21, 22, 23 и 24 Конституции РФ:

«Статья 21.

1. Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления.

2. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам.

Статья 22.

1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

Статья 23.

1. Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени.

2. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения.

Статья 24.

1. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются.

2. Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом».

Следователи постоянно проводят ознакомление потерпевших, свидетелей, подозреваемых, обвиняемых со ст. 51 Конституции РФ и оформляют соответствующий протокол. Ознакомление со ст.ст. 21 – 24 Основного Закона нашей страны осуществляется следователями редко.

Поэтому руководитель экспертного учреждения или эксперт могут восполнить этот пробел путём доведения до сведения подэкспертного лица упомянутых статей Конституции РФ. Это целесообразно делать при очном проведении экспертизы с личным участием подэкспертного лица. Затем можно приступить к изучению материалов дела.

Перечисленные процедуры подразумевают необходимость профессионального взаимодействия юриста, психолога и лингвиста для производства экспертного исследования. Таким образом, осуществляется междисциплинарный подход, позволяющий синтезировать необходимые для проведения КПЛЭ знания о человеке из двух разных научных областей – психологии и лингвистики.

Это позволяет следователю, с одной стороны, согласовывать формулировки вопросов с психологом и лингвистом, назначенными экспертами по конкретному уголовному делу, а с другой стороны – оставляет за экспертами возможности реализации следующих прав: переформулирование вопросов без изменения (искажения) смысла, проявления экспертной инициативы, предусмотренные Федеральным Законом от 31 мая 2001 года № 73 ФЗ «О государственной судебной экспертной деятельности в Российской Федерации».

Кроме того, эксперт имеет право, в соответствии со ст. 57 ч. 3 п. 4 УПК РФ, давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и отсутствующим в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования. Поэтому эксперт может поставить дополнительные вопросы, позволяющие ему в полной мере применить специальные познания, необходимые для дачи заключения.

Следует учитывать, что все поставленные перед экспертами вопросы содержат предметы экспертизы, поэтому они одновременно называются предметами исследования. Формулировка вопросов может осуществляться следователем самостоятельно или в процессе его психологического и лингвистического консультирования экспертами с учётом специфики содержания и расследования уголовного дела.

Рассмотрим вопросы, относящиеся к компетенции эксперта-лингвиста, выполняющего анализ текстов, содержащихся в материалах уголовного дела, при проведении КПЛЭ:

1. Содержатся ли в представленных текстах собственноручных объяснений ФИО лингвистические признаки, позволяющие установить достоверность или недостоверность данных им показаний по обстоятельствам дела?

2. Как соотносятся письменные показания подозреваемого ФИО-1, данные им ранее, с показаниями подозреваемого ФИО-2 и потерпевшего ФИО?

3. Имеются ли в представленных письменных собственноручных текстах показаний подозреваемого ФИО лингвистические признаки нарушений речевой или мыслительной деятельности, препятствующие последовательности и логике изложения обстоятельств инкриминируемого ему деяния?

4. Определяются ли в письменных текстах явок с повинной ФИО лингвистические признаки оказанного на него морально-психологического давления?

5. Определяются ли в представленных письменном и печатном текстах ФИО лингвистические (языковые, речевые) и коммуникативные особенности его личности?

6. Содержат ли представленные авторские письменные и печатные тексты ФИО лингвистические признаки наличия в них угроз, сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, оскорбление в отношении группы лиц, объединённых профессиональной деятельностью, принадлежностью к социальной группе?

Для ответов на поставленные следствием вопросы эксперт-лингвист должен быть специалистом в области фундаментальной, когнитивной и прикладной лингвистики, юрислингвистики и психолингвистики. Он должен уметь проводить лингвистический анализ текстов, психолингвистический анализ вербальных и невербальных коммуникаций допрашиваемого лица на видеозаписях, лингвокриминалистический анализ речевой продукции личности – письменных и устных показаний фигурантов уголовных дел, зафиксированных в протоколах. Идеальным материалом для экспертного исследования письменных показаний являются документы, заполненные собственноручно фигурантами уголовных дел. Однако в следственной практике, как правило, следователи и дознаватели предпочитают самостоятельно фиксировать устные показания и объяснения участников уголовного процесса в печатном виде с помощью набора текста на компьютерной клавиатуре. При этом следователи в большинстве случаев стремятся «улучшить» выполненные ими тексты по мотивам показаний граждан, нарушая авторскую конструкцию. Очевидно, в данном случае следователь должен записывать авторское сообщение буквально, не изменяя

речевых конструкций допрашиваемого лица. В противном случае, это лишает эксперта возможности исследовать именно авторский стиль языка, представленный устной и письменной речью.

Исключением в данном случае являются собственноручно написанные гражданами заявления, жалобы, а также явки с повинной. Устные показания также фиксируются с помощью аудио- и видеозаписей следственных действий: явки с повинной, очной ставки, опознания, проверки показаний на месте, дополнительного допроса.

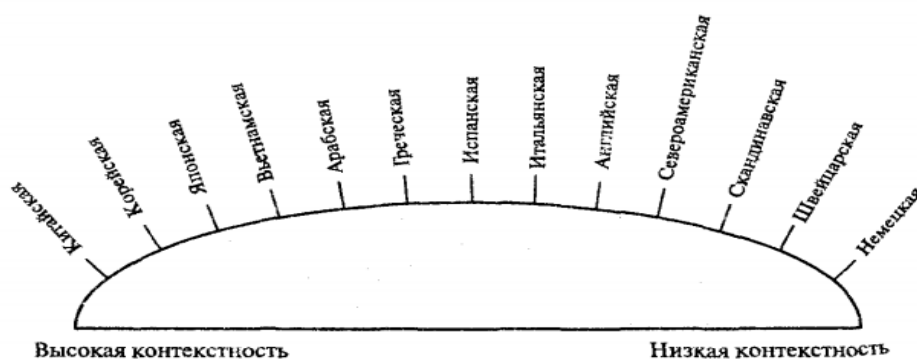
Из области уголовного права и процесса известно, что следователи и дознаватели не должны задавать допрашиваемому лицу наводящих вопросов, в которых содержится значительная часть ответов. В результате нарушения представителями следственных органов этих правил, часто обнаруживается существенная разница между первичными и вторичными показаниями свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых. Это бывает связано с тем, что перечисленные лица при участии в следственных действиях получают прямо или косвенно дополнительную информацию от следователей (дознавателей), которые могут своеобразно инструктировать и ознакомить их с показаниями других участников уголовного процесса. В таком случае возникает вопрос о том, что сообщаемая человеком информация заранее заучена или прочитана с бумажного либо иного (электронного) носителя.

Поскольку свидетельские показания так же, как и показания потерпевшего или преступника, напрямую связаны с автобиографической памятью человека, с помощью эксперта-психолога можно обнаружить существенную разницу между ними и привнесённой в них новой информацией, ранее неизвестной свидетелям и поэтому не сообщённой следователю.

Учитывая высокую степень контекстности русской культуры и русского языка, следователь вправе задавать допрашиваемому лицу различные вопросы открытого и закрытого типов, а также уточняющего характера.

По мнению Е.В. Сидоренко, «это означает, что смысл слов в значительной степени зависит от ситуации и множества почти неуловимых сигналов, которыми обмениваются собеседники. Иногда мы вовсе не имеем в виду того, что произносим вслух. Это нередко является тяжелым барьером для иностранных коллег. Наивная вера в то, что имеется в виду именно то, что говорится, свойственна, например, жителям Скандинавии, Швейцарии и, в особенности, Германии.

Рисунок внизу иллюстрирует различия между странами по степени контекстности культуры.

Примеры культур с разной контекстностью
(по: Hellriegel L., Slocum J., Woodman R., 2001, p. 385).

Культуры с низкой контекстностью характеризуются: 1) прямым и немедленным обращением к задачам и проблемам; 2) приданием большого значения личной компетентности и эффективности; 3) преобладанием ясных, точных и быстрых взаимодействий.

Культуры с высокой контекстностью характеризуются: 1) необходимостью установления доверия перед вступлением в обсуждение деловых вопросов; 2) приданием большого значения личным взаимоотношениям и доброй воле; 3) приданием большого значения обстоятельствам, в которых происходит разговор. В высококонтекстных культурах люди интерпретируют сказанное другими словами в опоре на оттенки формулировок, тон голоса, социальный статус говорящего, предысторию и социальную обстановку. Всё это требует времени (Hellriegel L., Slocum J., Woodman R., 2001, p. 386).

Россия на этом континууме тяготеет к левому полюсу. У нас очень важно уметь проникнуть по ту сторону произносимых слов...

По классификации Ричарда Льюиса, национальные и региональные культуры мира разделяются на три группы: моноактивные, ориентированные на задачу (task-oriented), четко планирующие деятельность; полиактивные, ориентированные на людей (people-oriented), словоохотливые и общительные; реактивные, интровертивные, ориентированные на сохранение уважения (respect-oriented). Моноактивные народы, такие как шведы, швейцарцы, датчане и немцы, делают в данный промежуток времени одно дело, полностью сосредотачиваются на нем и выполняют по заранее составленному графику. Такие люди полагают, что при такой организации труда они смогут действовать более эффективно и успеют сделать больше (Льюис Р. Д., 1999, с. 66 – 67).

Отсюда, возможно, и стремление четко определить и соблюдать последовательность фаз при ведении деловой беседы...

В соответствии с классификацией народов, предложенной Р. Льюисом, полиактивными являются латиноамериканцы, арабы, африканцы, индийцы, пакистанцы, испанцы, итальянцы-южане, средиземноморские народы, полинезийцы, португальцы, русские и другие славяне.

Для полиактивных народов личностное взаимодействие – наилучшая форма инвестирования времени (Льюис Р. Д., 1999, с. 86; 90; 91).

Исследование С. В. Перминовой подтверждает, что по типу поведения российская деловая культура близка к латиноамериканской, т. е. полиактивной, «отношенческой», ориентированной скорее на создание и сохранение хороших отношений с партнером, нежели на конечный результат и эффективность. В то же время сами российские предприниматели предпочитают выбирать в качестве идеальных партнеров представителей моноактивной культуры: американцев, немцев, скандинавов (Перминова С. В., 2002).

Умение регулировать эмоциональное напряжение помогает сконцентрироваться на совместной деятельности. Это эффективно, и мы это признаем. Это удобно, и мы это ценим...» [19, С. 82 – 85].

Именно высокая степень контекстности русского языка и русской речи позволяет нам переспрашивать собеседника, задавая ему уточняющие вопросы: «Правильно ли я Вас понял?», «Что Вы имеете ввиду?», «В каком смысле?», «Что это значит?», «Так ли в действительности было всё, о чём Вы нам рассказали?», «Мне надо подумать над тем, что Вы сказали или мне надо думать о чём-то другом?», «Что именно Вы подразумеваете, говоря об этом?», «Вы можете выразиться яснее?», «О чём Вы говорите?», «Вы не могли бы уточнить свою мысль?» и т.п.

Другая коммуникативная особенность наших собеседников заключается в том, что люди часто не запоминают или сразу же забывают дословно сказанное им или ими, т.е. говорящий не только не слышит сам себя, но и оказывается не способным слушать других. Если сразу же переспросить человека, попросить его повторить сказанное, то можно получить ответ в виде свободного пересказа, прямо противоположного предыдущей речевой посылке. Это напоминает известный «сломанный телефон» и называется искажением информации или нерелевантным (неконгруэнтным) ответом на вопрос. Поэтому у следователей при общении с допрашиваемыми лицами и у экспертов при работе с подэкспертными возникают коммуникативные барьеры, ошибки, неудачи и коммуникативное самоубийство, подробно изучаемые прагмалингвистикой.

Для профилактики и преодоления подобных явлений необходимо учитывать региональную специфику коммуникантов (собеседников), поскольку в каждом городе на один и тот же вопрос нам могут ответить по-разному, но по-своему одинаково (идентично). Также нужно принимать во внимание социальный статус допрашиваемых лиц, уровень образования, стаж работы в должности, владение профессиональным языком (сленгом), социальное окружение (среду проживания).

В компетенцию эксперта-психолога при выполнении КПЛЭ по материалам уголовного дела входит разрешение следующих вопросов:

1. Каковы индивидуальные особенности поведения подозреваемого ФИО во время проведения следственного эксперимента на представленной видеозаписи?

2. Как можно оценить и охарактеризовать психоэмоциональное состояние подозреваемого ФИО во время проведения следственного эксперимента?

3. Содержатся ли на представленной видеозаписи следственного эксперимента подозреваемого ФИО визуальные, вербальные и невербальные психологические признаки и особенности поведения, позволяющие установить достоверность или недостоверность данных им показаний по обстоятельствам дела?

4. Имеются ли на представленной видеозаписи следственного эксперимента показаний у подозреваемого ФИО какие-либо признаки нарушений мыслительной деятельности, устной речи, препятствующие последовательности и логике изложения обстоятельств инкриминируемого ему деяния?

5. Наблюдаются ли в поведении ФИО на представленной видеозаписи какие-либо внешние признаки оказанного на него морально-психологического давления?

6. Можно ли расценить коммуникативное поведение ФИО во время проведения видеозаписи его допроса как поведение личности, находящейся в подавленном или ином негативном эмоциональном состоянии в результате оказанного на него морально-психологического влияния (воздействия)?

7. Учитывая индивидуально-психологические особенности поведения личности, а также обстоятельства дела, находился ли ФИО в каком-либо эмоциональном состоянии, которое могло бы существенно повлиять на его поведение в исследуемых обстоятельствах дела?

8. Определяются ли в представленных авторских письменном и печатном текстах ФИО индивидуально-психологические особенности его личности?

9. С учётом индивидуально-психологических особенностей личности и ситуации, каковы главные психологические мотивы поведения ФИО в исследуемых обстоятельствах дела?

Для ответов на эти вопросы эксперт-психолог должен уметь определять психологический статус личности допрашиваемого лица – свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, различные эмоциональные состояния фигурантов уголовных дел. Это требует знаний психодиагностики, психологии личности, особенно психологии лжи, возрастной, клинической, юридической и социальной психологии, психопатологии, патопсихологии, а также психофизиологии человека.

В случае подозрения на наличие психических заболеваний или расстройств личности (психопатий), при наличии образцов голоса (аудиозаписей) и почерка (письменной речи), перед экспертами могут быть поставлены следующие вопросы:

1. Обнаруживаются ли в представленных авторских письменном и печатном текстах ФИО какие-либо признаки девиантного (агрессивного, вызывающего, аморального, асоциального, антисоциального) поведения, отклоняющегося от медицинской (психической), психологической, адаптивной, социальной и юридической нормы, свидетельствующие о деформации его личности и криминальном характере поведения?

2. Имеются ли в представленных авторских письменном и печатном текстах ФИО какие-либо особенности когнитивных процессов, вызванные нарушениями мыслительной деятельности, выражающиеся в искажениях последовательности, отсутствии критичности и логики изложения описанных им событий?

3. Содержатся ли в представленных авторских письменном и печатном текстах ФИО психолого-лингвистические признаки нарушений психической деятельности человека (расстройства высших психических функций): психомоторики, эмоционально-волевой сферы, познавательных процессов, интеллекта, речи и поведения в исследуемой ситуации?

Перечисленные вопросы обозначают расширение предметной области КПЛЭ, хотя и не являются исчерпывающими.

В соответствии с УПК, заключение эксперта должно отвечать требованиям допустимости, достоверности и достаточности («правило трёх «Д»). Кроме того, по нашему мнению, желательно соблюдение четвертого «Д» – доступности для понимания экспертного заключения сведущими и несведущими лицами.

Также эксперт вправе осуществлять рецензирование заключений, выполненных другими специалистами государственных или негосударственных экспертных учреждений и организаций в пределах своей компетенции.

По нашему мнению, **целью КПЛЭ в уголовном судопроизводстве является восстановление целостной картины преступления (ЦКПр), которая складывается из следующих компонентов:**

1) внутренняя картина преступления (ВКПр), известная только преступнику (умысел, мотивы, планирование, целеполагание), которая устанавливается следствием, как правило, после совершения преступления, в том числе с помощью КПЛЭ;

2) внешняя картина преступления (ВнКПр), кроме преступника, может быть также известна свидетелям, оперативникам, прибывшим на место преступления, криминалистам.

Для реконструкции ЦКПр проводится следственный эксперимент.

Цена ошибочной реконструкции целостной картины преступления слишком велика: обвинение невиновного лица, избежание уголовного ответственности преступником, незащищённость жертвы преступления.

В связи с тем, что Уголовно-процессуальным кодексом РФ предусмотрена удостоверяющая деятельность следователя (дознателя), они при изучении документов специалистов и экспертов неизбежно сталкиваются с проблемой оценки их профессиональной подготовки. Поэтому следователи и дознаватели должны осознавать пределы компетентности психологов и лингвистов.

Следователь испытывает потребности в привлечении к производству экспертных исследований психологов следующих специальностей:

- педагога-психолога, знания которого востребованы при психолого-педагогическом анализе криминальной ситуации, создавшейся при участии несовершеннолетних в образовательном учреждении или за его пределами;

- социального психолога для проведения социально-психологического исследования обстоятельств преступления, межличностных отношений, распределения ролей, социальных статусов участников преступной группы;

- клинического психолога – при необходимости изучения клинико-психологического статуса подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего или преступника, страдающего различными соматическими и нервно-психическими расстройствами (заболеваниями) для оценки вклада симптома или синдрома в уголовно-наказуемое деяние, совершенное преступником,

- специального психолога, знающего психолого-педагогические особенности лиц с повреждённым, дефицитарным или искажённым развитием личности (различные формы и степени умственной отсталости, задержки психического развития и др.), социально-педагогической запущенностью и т.п.

- юридического психолога, обладающего познаниями в области судебной и криминальной психологии, а также психологии следственных действий.

Однако такие специалисты в нашей стране пока встречаются редко.

Привлечение высококвалифицированного психолога как специалиста или эксперта позволяет следователю восстановить целостную картину преступления на основе установления конкретных социальных ролей и статусов фигурантов уголовных дел.

С нашей точки зрения, при расследовании уголовных дел, особенно связанных с насилием и мошенничеством, необходимо учитывать гражданско-правовые отношения преступника и жертвы (потерпевшего лица), психолого-юридический (превентивный) и ювенальный (в отношении несовершеннолетних) компоненты картины преступления. Это позволяет чётко проследить причинно-следственную связь, необходимую для определения морального вреда и компенсации за нравственные страдания потерпевшему как жертве преступления.

Современные психодиагностические методики позволяют достоверно установить, является ли человек жертвой преступления (преступника). Особенности поведения жертвы изучаются специальной наукой – виктимологией [13]. Подвер-

женность или предрасположенность человека к становлению жертвой преступления называется виктимностью [Там же]. Данная черта личности способствует установлению особых отношений между преступником и жертвой. Такие отношения юридической и социальной психологией обозначены как «психологическая связь», «отношения зависимости – со-зависимости», «точка неизбежности» [3–6].

Фиксация поведенческих реакций человека, выдающего себя за жертву преступления возможна благодаря применению видеозаписи следственного действия опознания или очной ставки. Это позволяет безошибочно установить или опровергнуть специфическую психологическую связь, свойственную диаде «преступник – жертва».

В связи с рассмотрением проблемы восстановления ЦКПр представляется уместным и целесообразным напомнить о предметах профессионального взаимодействия психолога и юриста, обозначенных отечественными авторами.

Согласно Г.С. Абрамовой такими предметами являются нормы ответственности [1], по мнению Нурковой В.В. – это валидность показаний на основе закономерностей автобиографической памяти, поскольку преступление, с юридической точки зрения, является не только фактом-событием, но и автобиографическим фактом жизни человека, также как и свидетельские показания [15; 16].

Ткаченко А.А. в качестве такого предмета рассматривает юридические и уголовно-релевантные психические состояния, которые опосредуются в уголовном законодательстве категориями «вменяемость», «невменяемость», либо обозначаются в уголовно-правовых нормах психологическими терминами «состояние опьянения» (ст. 23 УК РФ), «аффект», «состояние аффекта» (ст.ст. 107, 113 УК РФ), «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» (ч. 3 ст. 20 УК РФ) и психиатрическим термином «психическое расстройство, не исключающее вменяемость» (ст. 22 УК РФ) [24].

При необходимости проведения лингвистического анализа текста в структуре судебной комплексной психолого-лингвистической экспертизы, следовательно и дознавателю предстоит сделать выбор в пользу одного из следующих специалистов:

- учителя русского языка и литературы, окончившего соответствующий факультет педагогического вуза,
- филолога, окончившего филологический факультет классического университета по специальности «Филология»,
- филолога, прошедшего подготовку по направлению «Журналистика»,
- лингвиста, окончившего факультет лингвистики и межкультурной коммуникации по специальности «Прикладная лингвистика»,

- филолога, имеющего специальную подготовку по направлению «Психолингвистика и криминалистика». Однако таких специалистов очень мало, хотя интерес к данным отраслям знаний неуклонно растёт.

- лингвиста или филолога, являющегося переводчиком в сфере деловой коммуникации,

- лингвиста, специализирующегося в области «Юрислингвистики».

Научной областью знаний, объединяющей профессиональную деятельность психолога и лингвиста является психолингвистика. Взаимодействие лингвиста и следователя, имеющего высшее юридическое образование, основано на знаниях из области лингвокриминалистики (юрислингвистики).

Именно здесь обнаруживаются общие предметы профессионального взаимодействия лингвиста и юриста, в частности, *валидность показаний* на основе специального знания особенностей языка, речи и мышления преступников. Данная предметная область также объединяет лингвистов и юристов с психологами.

Другими предметами профессионального взаимодействия лингвиста и психолога при производстве КПЛЭ по уголовным делам являются психолингвистические особенности коммуникативного взаимодействия и поведения участников следственных действий, включая индивидуальные (возрастные) характеристики речи, вербальные и невербальные реакции человека при проведении следственных действий с применением технических средств (аудио- и видеозаписей).

Общение фигурантов уголовных дел с представителями следственных органов мы рассматриваем как *вынужденную коммуникацию*, требующую особого разбирательства и внимания экспертов в связи с тем, что многие преступники, некоторые свидетели и потерпевшие скрывают значимую по делу информацию (правду). Первые дают ложные ответы на вопросы, чтобы ввести следствие в заблуждение и избежать наказания, вторые и третьи лгут с целью усугубления вины преступников и признания гражданскими истцами. Признаки лжи подробно описаны в соответствующей литературе [5; 6; 17], включая книги Пола Экмана «Психология лжи» и «Психология эмоций», а также в учебниках по лингвистике.

Поскольку разоблачение лживости показаний также является одной из основных задач КПЛЭ, психолог и лингвист могут применять в своей практике для сбора и обработки информации по существу дела одну из известных современных технологий – нейролингвистическое программирование (НЛП).

Использование НЛП в уголовном судопроизводстве вызывает повышенный интерес всех участников этого процесса. Технология допроса с помощью НЛП была описана, в частности, И.И. Аминовым, который отмечает: «Наблюдая и анализируя обширный экспериментальный видеоматериал относительно движений глаз подозреваемых в процессе их допроса сотрудниками правоохранительных органов, мы не раз могли убедиться в информативности этого про-

стого и надёжного признака.... Перед началом допроса была разработана система ориентировочных вопросов, направленных на индикацию глазодвигательных реакций допрашиваемой.... После изучения видеозаписи допроса гр. Менгалиевой следователю были предложены выводы о лживости её показаний на основе анализа движений глаз» [2, С. 97, 102].

В качестве примера И.И. Аминовым была рассмотрена матрица анализа видеозаписи допроса подозреваемой Менгалиевой по делу о разбойном нападении на водителя иномарки и охранника мечети (в виде таблицы) по стенограмме видеозаписи [Там же, С. 98 – 101].

Наша практика также доказала эффективность НЛП при проведении КПЛЭ наряду с психолого-лингвистическим анализом показаний участников следственных действий, предложенным И.А. Стерниным [22]. Он выделил 19 контент-критериев психолого-лингвистического анализа утверждений, содержащихся в речи, которые отражены в пяти основных категориях: 1) общие характеристики свидетельствования; 2) специфические детали; 3) необычные характеристики, связанные с содержанием; 4) содержания, связанные с мотивацией; 5) элементы, отражающие специфику преступления.

Нам также представляется целесообразным проведение сравнительного психолого-лингвистического анализа показаний фигурантов уголовных дел с учётом латерального профиля организации высших психических функций на основании исследований, выполненных Степановым В.Г. [20].

Практика сравнительного анализа утверждений и показаний фигурантов уголовных дел доказывает, что люди с **доминированием правополушарного (эмоционально-образного) когнитивного стиля мышления**, как правило, твёрдо придерживаются определённой (одной и той же) версии рассказа, не добавляя никаких подробностей и деталей, не отказываясь от своих слов, и не изменяя показаний.

В отличие от них, люди с **доминированием левополушарного (абстрактно-логического) когнитивного стиля мышления** вносят существенные изменения в свои показания как по смыслу, так и по содержанию, добавляя новые подробности и детали, часто противоречащие предыдущим утверждениям. Это свойственно не только преступникам, но и потерпевшим.

Кроме этого, нами одновременно проводится анализ состояний личностных затруднений жизнедеятельности человека: персонализация и деперсонализация личности, одиночество, страх, пассивность, депрессия, стрессовые состояния при заболевании, суицид, смерть (умирание), страдание, описанных Степановым Н.С. [21]; болезненных, невротических, депрессивных, агрессивных, аффективных, фрустрационных, стрессовых и травматических состояний человека, выделенных Колесовым Д.В., Колесовым Д.Д. [10], девиантного поведения по Клейбергу Ю.А. [9] и нашей авторской классификации видов девиантного по-

ведения [25], отклоняющегося от психической, социальной и юридической норм, выделенных А.М. Зимичевым [7].

Эффективная совокупность описанных методов представляет собой универсальную методику проведения КПЛЭ, позволяющую не только усовершенствовать существующую практику экспертных исследований, но и дополнить перечень новых видов экспертиз, приведённый в работе Ситковской О.Д., Кобышевой Л.П., Коченова М.М. [11], а также предотвратить типичные ошибки [23], возникающие при использовании разрозненных методик.

В заключении можно сделать вывод о том, что возможности судебной комплексной психолого-лингвистической экспертизы в уголовном судопроизводстве определяются исключительно степенью компетентности работников следственных органов, психологов и лингвистов, умением профессионального взаимодействия всех участников следственных действий, культурой принятия специалистами знаний из смежных научных областей, необходимой для взаимопонимания.

Литература

1. Абрамова Г.С. Практическая психология. – М.: Академический проект, 2001. – 478 с.
2. Аминов И.И. Психология делового общения / И.И. Аминов. – М.: Омега-Л, 2006. – 304 с.
3. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Портреты преступников: криминологический психологический анализ: монография / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 240 с.
4. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое психологическое исследование / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. – 368 с.
5. Еникеев М.И. Юридическая психология с основами общей и социальной психологии: учебник. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 640 с.
6. Еникеев М.И. Психология следственных действий: учеб.-практ. пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 424 с.
7. Зимичев А.М. Психология политической борьбы. – СПб.: Санта, 1993. – 160 с.
8. Ильин Е.П. Психология агрессивного поведения. – СПб.: Питер, 2014. – 368 с. – Глава 11. Травля в школе. – С. 194 – 236.
9. Клейберг Ю.А. Социальная психология девиантного поведения: Учебное пособие для вузов. – М.: ТЦ Сфера, 2004. – 192 с. (Серия «Учебное пособие»).
10. Колесов Д.В. Состояния человека (семантика, психология, медицина): Учеб. пособие / Д.В. Колесов, Д.Д. Колесов. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2008. – 704 с. – (серия «Библиотека психолога»).
11. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. – М.: Генезис, 2010. – 352 с.

12. Мамайчук И.И. Экспертиза личности в судебно-следственной практике. Учебное пособие. – СПб.: Речь, 2002. – 255 с.
13. Малкина-Пых И.Г. Психология поведения жертвы (виктимология). – М.: Изд-во Эксмо, 2010. – 1008 с.
14. Нагаев В.В. Основы судебно-психологической экспертизы: Учеб. пособие для вузов. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. – 431 с.
15. Нуркова В.В. Автобиографическая память: структура, функции, механизмы. Дисс... д. п. н. – М.: МГУ, 1998.
16. Нуркова В.В. Автобиографическая память / Глава 10. «Умение быть свидетелем» – М.: Просвещение, 2010.
17. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. – М.: «Ось-89», 2012. – 704 с. Издание учебное (Юридическая психология).
18. Ситковская О.Д., Коньшева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. Справочное пособие. – М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2000 – 160 с.
19. Сидоренко Е.В. Тренинг коммуникативной компетентности в деловом взаимодействии. – СПб.: Речь, 2006. – 208 с.
20. Степанов В.Г. Профориентация. Функциональная асимметрия мозга и выбор профессии. Учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2008. – 446 с.
21. Степашов Н.С. Состояния личностных затруднений жизнедеятельности человека. Учебное пособие. – Курск: Издательство Курского государственного медицинского университета. – 1995, 101 с.
22. Стернин И.А. Речевое воздействие как интегральная наука. / Проблемы коммуникации и номинации в концепции общегуманитарного знания. – Челябинск, 1999. – С. 148–154.
23. Судебная экспертиза: типичные ошибки /под ред. Е.Р. Россинской. – Москва: Проспект, 2014. – 544 с.
24. Ткаченко А.А. Судебная психиатрия. Консультирование адвокатов. – М.: Логос, 2004. – 384 с. – С. 45 – 46.
25. Челпанов В.Б. Профессиональная деятельность практического психолога образования в целях обеспечения психологической безопасности школьников / В.Б. Челпанов; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2012. 330 с. Библиогр.: с. 316 – 329.